

К.Лукашевич

Босоногая команда

Повесть

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Лет тридцать тому назад, на окраинах Петербурга люди жили гораздо проще, скромнее и даже веселее, чем теперь.

На Васильевском острове, в 15-ой линии, за Малым проспектом были выстроены только небольшие деревянные дома, большей частью одноэтажные, с наружными ставнями у окон. Жили там люди небогатые: мелкие чиновники, неважные купцы, ремесленники, торговцы да фабричные, так как кругом было немало фабрик.

По воскресным и праздничным дням обитатели маленьких домов высыпали на улицу: по мосткам гуляли девицы, обняв друг друга за талии; в иных местах молодежь играла в горелки, в пятнашки; босоногие ребяташки сражались в лапту, в городки, в бабки, а пожилые люди сидели у ворот на скамейках и вели долгие беседы. Всюду было просто и оживленно.

Улицы в то время на Васильевском острове были не такие, как теперь: на них не было каменной мостовой, не было асфальтовых тротуаров, трава пробивалась всюду, где только ей не мешали, а посреди улиц тянулись высокие деревянные мостки.

В том году, о котором я теперь вспоминаю, Пасха была очень поздняя. Стоял конец апреля, и в природе давно уже повеяло ранней весной: все оживало, все пробуждалось от зимнего сна, чаще сияло и дольше оставалось на небе солнце; из-под таявшего снега бежали быстрые ручейки; около заборов там и сям между желтой прошлогодней травой пробивалась молодая, свежая травка; деревья покрывались почками, которые быстро разворачивались в маленькие, липкие, ярко-зеленые листочки; прилетевшие птицы звонко чирикали, приветствуя приход весны.

* * *

Наступила пасхальная ночь. Только раз в году и бывает такая ночь: чудесная, торжественная! Никто не спит в эту святую ночь: всюду движение, сборы, и сердце самого обиженного горемычного человека невольно наполняется тихой надеждой и радостью.

По улицам зажигались плошки; народ по всем направлениям шел и шел беспрерывно; окна домов были освещены; православные собирались к Светлой Христовой заутрене...

* * *

В одном из подвальных этажей небольшого дома, по 15 линии Васильевского острова, сырая, темная, низкая квартира отдавалась по углам. И там, где очевидно не красно жилось людям, в наступившую пасхальную ночь все выглядело чище, спокойнее и радостнее. Во всех углах копошились жильцы, одеваясь в свое лучшее платье.

В первой комнате, за старой рваной ширмой только один из всех жильцов подвала никуда не собирался и лежал чуть ли не на голых досках, подложив себе под голову вместо подушки какое-то старое тряпье. Это был еще не старый мужчина, исхудалый, бледный, со впалыми глазами, очевидно, больной. Он печально смотрел на мальчика, присевшего боком около него и опустившего голову.

- Надо бы, Гришута, сходить к заутрене, - тихо сказал больной.

Мальчик встрепенулся и встал. На вид ему было лет десять. Волосы у него торчали, будто у ежа, глаза были круглые-прекруглые, а довольно большой вздернутый нос придавал лицу и отвагу и задор. Но при всем том смотрел он прямо, и лицо его выражало доброту и ласку. Да и стоял-то мальчуган особенно, заложив руки за спину, выставив одну ногу вперед и немного откинув набок голову.

- Не во что одеться тебе, Гриша!.. Да и сапог нет!..

- Не беда, батюшка... Можно и без сапог, нынче не холодно. Одну матушки-покойницы кофту